

АКСАКОВСКИЙ ТЕКСТ В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДНОГО ПИСАТЕЛЯ И.П. МАКСИМОВА (1921–2017)

Объектом исследования являются дневники народного писателя И.П. Максимова, охватившие события его жизни с 1972 по 2013 гг. В качестве предмета осмысления предлагается аксаковский текст как базовая тема личной памяти, отразившаяся в ряде семейных преданий. Проведенный анализ показал, что творчество С.Т. Аксакова было близко народному автору и со стороны содержания, и со стороны художественного воплощения жизни.

Ключевые слова: С.Т. Аксаков, аксаковский текст, народный писатель, семейная память, семейное предание.

В экспедиции 2012 года нам представили Игоря Павловича Максимова (1921–2017) как местного писателя-краеведа⁴. Мы направились к нему, намереваясь задать несколько вопросов по истории населенного пункта, и в самом начале диалога прозвучало имя Аксакова: «Вот Аксакова, писателя, знаете? ...А вот у него был... дядька, наверное, Григорий. Они же Аксаковы, они были в этом, в Надеждине. Надеждино и другое, это Куроедово... Вот рядом с Куроедовом построили станцию Аксаково. И туда переехали в 14 году отец моего отца, дедушка переехал. А сперва их переселил Аксаков, это дедушка Сергея... Аксаков Сергей Тимофеевич... Отец Сергей Тимофеича, Тимофей Степаныч. [Книга] “Детские годы Багрова-внука”, а другая – “Семейная хроника”. Вот эта “Семейная хроника” как раз начинается с того, что этот дед сидит в холщовой рубахе на крыльце, а бабка ему не давала хорошую городскую одежду, модельную такую, самотканную дает. И вот этот дед переселил крестьян тех оттуда, где они жили. Там где-то в Поволжье, я уж шас... Знал это место... Переселил на речку Ря, Рябаш. И если вы читали внимательно “Детские годы Багрова-внука” и потом вот эту “Семейную хронику”, там в нескольких местах несколько раз упоминается речка Ря, Рябаш. “Баш” – это по-башкирски “голова”...» [1, с. 23]. Начало беседы смутило всех: студенты первого курса не читали названных произведений, руководители экспедиции насторожились по поводу достоверности сведений. Дальнейшие расспросы обнаружили, что Игорь Павлович – выпускник Магнитогорского

⁴Экспедиция лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета работала в п. Тукан, Зигазы Белорецкого р-на Республики Башкортостан.

педагогического института историко-филологического факультета (1939-1942); участник Великой Отечественной войны. В сентябре 1942 года был призван на фронт, был командиром огневого взвода «Катюш», победу встретил в Венгрии.

В годы войны и по возвращении Игорь Павлович вел дневниковые записи, «задумал» учиться на писателя (в 1947 году «колотился в университет»). Работая учителем в п. Тулан Белорецкого р-на, вошел в сообщество народных корреспондентов, печатал стихи и рассказы в газетах «Белорецкий рабочий», «Урал». За книги «Письма из Ермотани» и «Там, где вечно дремлет тайга» И.П. Максимов получил две региональные премии⁵. В последние годы жизни Игорь Павлович неоднократно задумывался над судьбой своих дневников, их будущее было для него проблемой. Знакомство с изданиями лаборатории, наша принадлежность к одному вузу, общая память повлияли на его решение передать их в архив лаборатории⁶.

К разработке заявленной темы подтолкнуло бытование семейного предания, по которому дед Игоря Павловича – Пахомов Архип Максимович – был крепостным крестьянином помещиков Аксаковых. В устной форме предание прозвучало при первом знакомстве, а в дневниковых записях воспроизводится неоднократно, чаще всего в контексте воспоминаний о детстве, родителях, брате Николае. Приведем примеры семейного предания из дневников разных лет:

«...ведь дедушка Серг. Тим. Аксакова, откуда-то из Симбирской губ. перевез крепостных в Аксаково, Куроедово-Курослепово. Прочитай-ка еще «Семейную хронику» (запись от 11.12.1990) [2]⁷;

«Дедушку своего по отцу – Архипа Максимовича Пахомова – я не видал. Из крепостных Аксаковых (Надеждино)» (запись от 26.03.1993) [2];

«Этот дом перевез дед Архип Максимыч из Рябаша. О речке Ря, Рябаше, писал С.Т. Аксаков. Мы из потомков их крепостных» (запись без даты, 2013) [3].

⁵Премия имени Яныбая Хамматова и премия имени Степана Злобина.

⁶Мы подарили Игорю Павловичу издания лаборатории, основанные на воспоминаниях и дневниковых записях других народных авторов: Костин Г.И. Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет). – Магнитогорск: Изд-во тип.ун-та, 2008. Т. 1–3; Державин А.Н. О войне из войны: народная письменность 1941–1945 гг. – Магнитогорск: Изд-во тип.ун-та, 2015. В настоящее время архив И.П. Максимова находится в обработке. Он содержит более трех десятков разных по объему тетрадей с хозяйственными записями, дневниками, папками с рукописями, черновиками собственных сочинений; папками с деловыми и личными письмами. Бумаги уложены в небольшой деревянный сундук.

⁷ При цитировании дневников указывается число, месяц и год записи, особенности авторской письменной речи сохраняются.

Несмотря на то, что Игорь Павлович деда не видел (он умер «в революцию»), его портрет создается по воспоминаниям отца с опорой на фольклорные традиции изображения предков. В идиллической картине прошлого, «в ивнячке у самой речки» Архип Максимович, подстриженный «под горшок», хлопчет над пчелами. Топится баня. Он «в белых портах, в белой самотканой легкой рубахе с крестом на засаленной, но прочной веревочке; крест истерся, чуть видны ниточки черни по краям стертым, отшлифованным о грудь да рубаху. Шея темна, загорела у дедушки ...» (запись от 23.06.1972) [2].

История жизни деда вписана в географическое пространство владений помещиков Аксаковых. Архип Максимыч венчался в церкви села Надеждино, и было у него семь сыновей: Иван, Павел (1890-1964), Николай, Василий, Александр, Михаил (там же) [2]. Из Куроедова вторая жена деда, Анисья Маркеловна. Осталась в семейной памяти любимая его песня: «Во субботу, день ненастный / Нельзя в поле работать...» (там же) [2].

В 1914 году Архип Максимович с семьей переехал на станцию Аксаково. На улице Вокзальной стоял их родовой дом: «с хильми тополями, каретником, конюшней, сараями, крытыми соломой. С колодцем во дворе с холодной, как лед, водой» (Без даты, 2013) [3].

Родители Игоря Павловича – Павел Архипович (1890-1964) и Киняпина Лидия Яковлевна (1890-1976) встретились в Иркутске в 1920 году. Иркутский период жизни родителей И.П. Максимова не был ясен до конца, хотя он выпрашивал, так как там родился. Ему пришлось восстанавливать эти годы по обрывкам семейных рассказов, многое просто додумывать. В дневнике есть такая запись: «...27-летний деревенский парень стал отступать с колчаковцами – кем он был: фельфебель, каптенариус? – не знаю, и служил ли он у белых – тоже никогда не говорил» [запись от 26.03.1993] [2]. Годы пребывания молодой семьи в Иркутске он назвал «чудовишной воронкой Мальстрема», за гранью которой прекращался Божий промысел и властвовали потусторонние силы. «И я родился на окраине воронки – в Иркутске, а точнее в центре воротки Мальстрема. Беженцы. Колчаковцы. Сколько шепота, тайны было. Какое тягостное, великое подполье и в Аксаково, когда мы были глупыми еще совсем; и в Ермотаеве, когда поумнели немного, и потом – во всю жизнь. Мама так и унесла эту тайну – беженцев – все говорила: вот описать бы!... Опишу. Но ничего не описала [запись от 31.07. 1991] [2]. Одну из причин отъезда отца с колчаковцами Игорь Павлович видит в послушании Павла Архиповича. Отец часто вспоминал, как дед ему говорил: «Иди, Панька, освобождение [свобода] с Востока придет» (запись от 26.03. 1993) [2].

В Иркутске пришлось отказаться от родовой фамилии. «Чтобы не расстреляли», Павел Архипович Пахомов вынужден был пойти на этот шаг.

Новую выбрал по отчеству отца: «...отец Архип Максимыч, чтобы запомнить он стал Максимовым» [1, с. 45]. Семья матери в годы революции тоже была разрушена. Ее родственники трудились на строительстве Беломорканала. Мужчины взяли другую фамилию: «были Киняпины стали Рыбкины» [1, там же].

В 1922 году молодая семья с маленьким сыном решает вернуться на родину, в Аксаково. Дневник 1982 года содержит описание дороги, встречу с родственниками. В окружении бытовых записей эти страницы выглядят как самостоятельные рассказы и даже имеют названия: «Смутные воспоминания», «В пути», «Родня в Аксакове», «За столом», «В поле ночью с отцом». По всей видимости, они написаны под влиянием воспоминаний матери, и позднее их предполагалось переписать в одну из тетрадей, где складывался материал большого семейного романа.

С 1922 по 1932 год семья живет в Аксаково. Для Игоря Павловича это было счастливое время: «Далекая, уже далекая пора милого и радостного детства; с обилием клубники и костяники, с щавелем и космами ковыля по ветру. Какие были медосборы! (...) Мне бы надо съездить в Аксаково. Вспомнить. Подышать старым, ушедшим в никогда безвозвратное прошлое. Пора невозвратно ушедшего детства» (запись от 23. 06. 1972) [2]. Представление о сказочной щедрости природы родных мест сохранилось до конца жизни. Приведем в пример фрагмент нашей беседы 2014 года: «И места такие вольные, хорошие. Мой уже отец рассказывал мне, как они штанами рыбу ловили в речке в этой, в Рябаше, и по степи ходили дрофы. Это, знаете, такие большие птицы. Они уже щас истреблены. И говорит, когда едешь на телеге, колеса становятся красными от земляники, от клубники... Вот как люди-то жили. И вот я всем этим еще так вот, сказать, живу еще этим. Может, это мне помогает так вот дожить до сих пор, вот когда мы живем вот в этих условиях...» (1, с. 23).

Нужно заметить, что в истории переселения аксаковских крестьян идея драматизма исхода из родных мест не сохранилась, она зазвучала в связи с переселением семьи в Ермотаево: «забрали сперва отца, в сентябре 1931, а на другой год, в августе 1932, нас привезли в Тукан. Спецпереселенцы. Ссылные. Отверженные. Тучи нависли» (запись от 29.11.1993) [2]. В 1937 году отца еще раз забирали «по доносу» на три года. После освобождения он пришел в Магнитогорск к сыну-студенту. Сцена встречи отца и его спутника описана в дневнике: «Они с Гизом ползут на четвереньках по лестнице в нашем общежитии. Ползут бессильные, голубо-бледные. Помню, как слабыми руками он обнял меня и в растерянности сел на койку; худой, в поношенном каком-то с чужого плеча пиджаке и тонких матерчатых штанах, на ногах брезентовые полуботинки.

– Зачем все-таки вас посадили? – спросил я.

Молчание и долгий взгляд Гиза.

– Сталин знает. Спросите у него» (запись от 22.06.1972) [2].

История предков Игоря Павловича Максимова начинается с переселения крепостных крестьян с берегов Волги на берега реки Рябаш. Степан Михайлович Аксаков вошел в генеалогическое предание своих крепостных крестьян. В дальнейшем биография деда и членов его семьи складывалась на землях Аксаковых: Надеждино (место венчания деда), Куроедово (родина второй жены), Приютово (здесь арестовали отца в 1931 году), Аксаково (находился родовой дом деда). До 1920-х годов в Аксаково жили родители, с 1922 по 1932 год – сам Игорь Павлович.

Имя Сергея Тимофеевича Аксакова появляется на страницах дневника в связи с интересом И.П. Максимова к писательству. На обложке тетради 1982 года (автору 60 лет) мы встречаем следующую запись: «Я хочу сказать дорогое о жизни, о своем детстве, учебе, войне и детях и работе в школе с 1940 года». Читая и перечитывая сочинения С.Т. Аксакова, он возвращался в места своего детства, книги отзывались его воспоминаниям, потому многие фрагменты сочинений писателя он знал наизусть. Игорь Павлович, как пишущий читатель, присматривался и оценивал писательскую манеру Сергея Тимофеевича. В октябре 1982 года есть запись: «Сейчас я читаю только Аксакова» (запись от 3.10.82) [2]. В 1987 году сочинения С.Т. Аксакова он называет в перечне любимых книг: «У меня всегда есть хорошая книга, чтоб хорошо жить и думать. Я часто читаю Шукшина, Пришвина, Васильева. Журналы «Литературная учеба», «Молодая гвардия», Аксакова, Толстого, 4 газеты. Но главное – я знаю, что мне и когда взять. Но главное чтение – Чехов, уже месяца 3. Письма, рассказы» (запись от 26.05.87) [2]. В 1991 году он описывает свой рабочий стол, где опять лежат сочинения С.Т. Аксакова: «Очень спешу, устал, неловко. На столе черт ногу сломит. “С.М.”, “Л.Р” № 52, съезд 7-й, С.Б. и т.д. + Чехов+ Пришвин+ Аксаков, а под столом – собака» (запись от 7.01.1991) [2]. Сочинения Сергея Тимофеевича Аксакова стали для него любимым чтением и учебником по писательскому мастерству.

Заявленная тема «аксаковский текст» позволяет не только отметить появление имени писателя на страницах дневника, но и высказаться по поводу стилистических особенностей народного автора, его предпочтений в разработке собственного «художественного кода» (Ю.М. Лотман). Игорь Павлович серьезно относился к писательскому делу, постоянно подчеркивал свое ученичество, размышлял над прочитанным и написанным. Вел журнал, который назвал «Энциклопедия творческих откровений». На обложке журнала – следующая запись: «Охота здесь собрать высказывания об их работе: о писательстве, о писателях, об их совести и мастерстве, об отношении к жизни и правительствам; их нелады с цензурой; высказывания о труде писателей и личностях их, о воле к труду, об упрямстве». К

энциклопедии составлено оглавление (в 1980 году?), где в кругу его учителей стоит имя С.Т. Аксакова. Выписку из книги С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» он для себя называет «Как писать»: «Передавать другим свои впечатления с точностью и ясностью очевидности, так, чтобы слушатели получили такое же отношение от описываемых предметах, какое я сам имел о них» [5, с. 343].

Вторая цитата взята им из книги «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах»: «Только из специальных знаний людей, практически изучивших свое дело, могут быть заимствованы живые подробности, недоступные для кабинетного ученого» [5, с. 108]. Если оценивать частотность упоминания имени Аксакова в его «Энциклопедии творческих вдохновений», нужно заметить, что выписок из сочинений А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина значительно больше. Но аксаковский художественный код, его «живые подробности», точность в описании отмечена народным автором. Он поддерживает эти принципы в своих рассуждениях о творчестве. С пометками «я», «мое» размещает их между цитатами учителей: «Истину своих рассказов я добываю в труде на Кургашле, в школе, в лесу. Они должны быть правдивыми, народными, то есть о народе, о его жизни, мытарствах, о его же и радостях» [5, с. 27]. Точности в своих рассказах он добивался душевным напряжением: («...я хожу с этим словом и тут, и тут, и тут... я все думаю про это слово»), вдумчивым чтением классиков, ночными сидениями: «Иду чистить сарай и думать, как надо писать. Я уже много дней колдую над рассказом “У Лосинога ключа”» [5, с. 309].

В дневнике он признавался: «Я очень трудно работаю, пишу; почти рожаю каждое слово; до боли, до отупения» (запись от 22.10. 1976); или: «Когда я читаю газету, журнал старый, книжку ли, мне все находит желание – писать жизнь, но, конечно, не как здесь, художественно, картинно, чтоб ясно было, видно было, чувство было и чтоб могли сказать: да, это так было у спесов, в Ермотаеве или на фронтах, где я был ранен, воевал два непрерывных на передовой и только раз ранен и раз контужен» (запись от 25.01.1991) [2].

Очень любопытно его высказывание о поэзии Л. Татьяничевой: «Прочти: Людмила Татьяничева “Высокий берег” (О Юрюзани). Кажется, хорошо лепит стихи, но много пустого, кукольного» (запись от 4.08.1972) [2].

Для иллюстрации писательской манеры И.П. Максимова возьмем фрагмент рассказа «Последний воз», где он описывает, как однажды ставил на ноги лошадь, по его вине упавшую и перевернувшуюся через оглоблю. «Я опять хватаюсь за хвост и сталкиваю зад с левой оглобли. Выравниваю лошади голову, чуть поднимаю за припряг. Лежит. Оказывается, ее держит воз. Сзади толчками подаю воз вперед, хомут ослаб. Рыжуха поднимается,

перебирает передними, упирает к дороге и вскакивает» (6). Или вот фрагмент черновика будущего рассказа «Мужичья радость»: «И Анисим хватил вилами в бок. Копна дрогнула, просела; он вытащил вилы и сверху, наискосок всадил на все, чуть не метровые деревянные рожки. Перебрался поближе к навильнику, склонил череп до земли, вцепился намертво у рожков, оторвал ком сена, приподнял и тычком, концом, воткнулся в землю. Вилы полезли как в масло концом; и он почувствовал: стали разрываться мелкие корни, как нити, шпагат затрещал. Он перехватился подальше, перевернулся лицом к навильнику, вскинул все на руки, жим – и, дрожа, как лук, изогнулся навильник – и упершись, как бугай, Анисим вскинул теперь, вырвав из земли конец, кверху голову и – глянул на сено-навильник-тучу...» (запись от 27 января 1991) [2].

Для третьего поколения крестьянской семьи, для учителя и писателя И.П. Максимова творчество С.Т. Аксакова становится близким по темам, способам художественной выразительности. Так причудливо складывается судьба наследия С.Т. Аксакова, судьба его крепостных крестьян, а в конечном итоге, человеческие судьбы.

Литература

1. *Архив* лаборатории народной культуры. ЭК-47, 2012. Тукан, Зигаза Белорецкий р-он.
2. *Архив* лаборатории народной культуры. Ф. 41. Описание 1. Дневники.
3. *Архив* лаборатории народной культуры. Ф. 41. Описание 2, ед. хр. 2, Мелочи, учет жизни. 2013.
4. *Архив* лаборатории народной культуры. Ф. 41. Описание. 2. ед. хр. 1. Тетрадь воспоминаний 1992 года.
5. *Архив* лаборатории народной культуры. Ф. 41. Описание. 2. ед. хр. 3. Энциклопедия творческих вдохновений.
6. *Максимов И.* Последний воз // Урал. 1986. 5 мая.

© Рожкова Т.И., 2020